

УДК 340(4)(091)
ББК 67.3(4)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ САНКЦИИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ И ПРИНИМАТЬ МЕРЫ К ЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЮ

А.В. Синельников

В статье проанализированы вопросы построения уголовно-правовых санкций за уклонение должностных лиц правоохранительных органов от исполнения обязанности, предусмотренной ч. 2 ст. 21 УПК РФ. Предложено обоснование вариантов дифференциации уголовной ответственности за указанные посягательства, а также конкретных видов основных и дополнительных наказаний, их сроков и размеров.

Ключевые слова: уголовное преследование, обязанности правоохранительных органов, преступления против правосудия, незаконное освобождение от уголовной ответственности, укрытие преступлений от регистрации и учета.

Уклонение должностных лиц правоохранительных органов от осуществления уголовного преследования и принятия мер к его обеспечению – одна из наиболее актуальных проблем современного уголовного судопроизводства. Ее внешними проявлениями выступают факты массового укрытия преступлений от регистрации и учета, незаконных отказов в возбуждении уголовных дел, их необоснованного прекращения, а также другие разнообразные формы ограничения права потерпевшего на доступ к правосудию, гарантированного ст. 52 Конституции РФ. Очень показательным в связи с этим, что число укрытых преступлений, выявленных и восстановленных на учет органами прокуратуры, за 12 лет в России возросло более чем в 2,8 раза: с показателя 50 477 в 1997 г. до 142 173 в 2008 году [31; 32; 34, с. 27–28; 35]. Аналогичная тенденция почти трехкратного увеличения за тот же исследуемый период наблюдается и в отношении количества отмененных незаконных по-

становлений об отказе в возбуждении уголовных дел с одновременным либо последующим возбуждением дел – с 45 343 в 1997 г. до 126 632 в 2008 году [31; 32; 34, с. 27–28; 35].

Важным направлением противодействия распространению указанного социально опасного явления выступает совершенствование средств уголовно-правового реагирования. При анализе данного вопроса было высказано предложение о необходимости установления ответственности за разнообразные формы уклонения от исполнения требований ч. 2 ст. 21 УПК РФ, в специальной норме главы о преступлениях против правосудия – ст. 300 УК РФ [25, с. 234–238; 36, с. 10–11]. Это позволило бы избежать существующих в следственно-судебной практике затруднений в применении к соответствующим фактам норм о служебных преступлениях и поставило бы вне закона сформировавшуюся ведомственную практику реагирования на подобные нарушения как обычный служебный проступок.

Логическое завершение обозначенного выше подхода к совершенствованию регламентации уголовной ответственности должностных лиц за уклонение от осуществления уголовного преследования и принятия мер к его обеспечению невозможно без исследования

вопроса об определении ее пределов, находящихся выражение в теоретической модели уголовно-правовой санкции. Исходным вопросом при этом является целесообразность дифференциации ответственности, то есть градации в уголовном законе, порождающей различные уголовно-правовые последствия [21, с. 110–111].

Необходимой предпосылкой изучения этой проблемы является установление критериев (оснований) дифференциации, используемых законодателем в УК, поскольку любые нововведения, безусловно, должны практически осуществляться при их строгом соблюдении. В качестве указанных критериев представляется правильным рассматривать характер и типовую степень общественной опасности деяний и лиц, их совершивших [20, с. 285]. Однако следует отметить, что в науке высказывались и иные позиции по данному вопросу [3, с. 42–43; 16, с. 33; 17, с. 91; 18, с. 7; 24, с. 56; 26, с. 128; 33, с. 62].

Обратимся к названным критериям. Первый из них – характер общественной опасности – призван отразить ее качественные изменения и, следовательно, «качественное своеобразие преступлений» [23, с. 38], «отличие преступления одного вида от преступлений другого вида» [11, с. 97]. В этом плане он находит свое воплощение в уголовном законе при помощи признаков основного состава и в общем виде определяет санкции за совершение соответствующих деяний [22, с. 104]. При этом, как справедливо указывается в теории, основным показателем характера общественной опасности выступает объект посягательства, от которого в известной степени зависят возможные способы причинения ему вреда и круг субъектов, способных совершить подобные деяния [9, с. 74–75; 19, с. 143; 29, с. 137].

Однако только изложенным выше функции указанного критерия дифференциации не ограничиваются. При более высоком уровне абстрагирования он, представляя общее по отношению к определенному типу посягательств, выступает основанием их отнесения к разделам, главам, группам внутри глав УК, а также их иной градации, основанной на данном признаке.

В свою очередь типовая степень общественной опасности «характеризует существенные количественные различия в рамках

определенного качества, но качество остается неизменным» [24, с. 56]. С учетом этого данный критерий выступает определяющим при установлении новых пределов наказуемости путем конструирования квалифицированных составов преступлений, а также использования ряда иных средств дифференциации. «Если “характер опасности” употребляется для выражения качественной определенности опасности конкретного вида преступлений, характеризует опасность как бы “снаружи” по отношению ко всей остальной массе преступных посягательств, то “степень опасности” используется для отражения спектра ее количественных изменений, раскрывает опасность деяний “изнутри”, – обоснованно подчеркивает В.В. Мальцев [26, с. 128].

Анализируя с учетом содержания приведенных критериев антисоциальные свойства рассматриваемых посягательств на правосудие, необходимо отметить, что в рамках их общей совокупности можно выделить два вида деяний, отличающихся значительным своеобразием внешних форм реализации и качественно различным уровнем общественной опасности, что, думается, требует для установления ответственности за их совершение конструирования самостоятельных составов и определения различных пределов наказуемости в рамках моделируемого содержания ст. 300 УК. В качестве таковых выступают, с одной стороны, уклонение от принятия мер к обеспечению уголовного преследования (отказ в приеме, сокрытие от регистрации заявлений о преступлениях, незаконный отказ в возбуждении уголовных дел или их необоснованное прекращение в ситуациях, когда не установлено лицо, подлежащее изобличению), а с другой – уклонение от осуществления уголовного преследования (полное или частичное прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого, полный или частичный отказ от поддержания государственного обвинения в отношении подсудимого, изменение обвинения в отношении указанных лиц в сторону смягчения, совершенные при отсутствии установленных законом оснований; непринятие мер по уголовному преследованию лица, на причастность которого к совершению преступления прямо указывают имеющиеся по уголовному делу дока-

зательства или полученные при проверке сообщения о преступлении предметы и документы). Принципиальное разграничение антисоциального потенциала соответствующих уголовно-процессуальных злоупотреблений обусловлено следующими факторами.

Во-первых, приведенные виды нарушения обязанности, предусмотренной ст. 21 УПК РФ, посягают на две различные категории отношений, в сочетании опосредующих ее реализацию. Если первая группа деяний причиняет вред отношениям, обеспечивающим установление события преступления и выявление лица, его совершившего, то вторая – отношениям, гарантирующим изобличение виновных. При этом указанные сферы социальных связей, несмотря на высокую значимость каждой из них, нельзя признать равноценными, поскольку в их основе лежат два качественно отличные типа уголовно-процессуальной деятельности, находящиеся между собой в определенной субординации. Это, в частности, выражается в том, что действия по раскрытию преступления по своей сущности производны от задачи обоснованного уголовного преследования виновных как одного из элементов назначения уголовного судопроизводства. Принятие мер к обеспечению уголовного преследования, создавая необходимые условия для его непосредственного осуществления, выполняет тем самым служебную роль. Оно охватывает период уголовного процесса с момента получения сообщения о преступлении до установления лица, подлежащего изобличению, оставаясь вне так называемого «центрального уголовно-процессуального правоотношения» [2, с. 96], содержание которого в досудебном производстве образует правовая связь между обвиняемым (подозреваемым) и государственными органами, ведущими производство по уголовному делу. Функция уголовного преследования, напротив, составляет кульминационный этап уголовного судопроизводства. Возникнув при возбуждении уголовного дела в отношении определенного лица, его задержании по подозрению в совершении преступления, применении меры пресечения или привлечении в качестве обвиняемого, она продолжает осуществляться и при судебном разбирательстве, будучи способной существенно влиять на его исход. Дан-

ное направление деятельности аккумулирует в себе все результаты уголовно-процессуального познания, полученные в процессе раскрытия преступления, дополняя их доказательственной базой, сформированной в ходе изобличения лица, совершившего преступление. Это вполне закономерно, поскольку развитие уголовного судопроизводства сопровождается нарастающим увеличением объема информации об обстоятельствах дела. На первоначальном этапе подобные сведения, как правило, минимальны. На последующих же стадиях происходит информативная конкретизация вопроса о наличии в действительности уголовно-правового отношения и личности субъекта, поведение которого обусловило его возникновение. Поэтому злоупотребление, совершаемое в таких условиях, непременно связано с игнорированием позитивных итогов всей предшествующей деятельности, что свидетельствует об усилении антисоциальных свойств таких деяний. Таким образом, у рассматриваемых видов посягательств объективная способность причинения вреда интересам правосудия неодинакова. Это находит выражение в том, что наиболее опасный из них – уклонение от осуществления уголовного преследования – представляет собой, с одной стороны, отрицание результатов принятия мер к его обеспечению, а с другой – кроме того, заведомо искаженное разрешение «основного вопроса уголовного дела», то есть «вопроса об уголовной ответственности лица за вменяемое ему деяние» [28, с. 7].

Во-вторых, указанные объективные различия в причиняющих способностях и, следовательно, антисоциальных последствиях соответствующих видов нарушений обязанности, предусмотренной ст. 21 УПК, определяют специфику виновного отношения к их совершению, которое, как известно, «связывает деяние с личностью субъекта, характеризует деяние как зависящее от лица, как выражение его взглядов, принципов, привычек» [7, с. 26]. Поэтому при уклонении от осуществления уголовного преследования субъективная сторона также будет свидетельствовать о более высоком уровне общественной опасности должностного лица, нарушившего закон, что, несомненно, должно учитываться при дифференциации ответственности. Как спра-

ведливо указывает П.С. Дагель, «чем в большей степени проявилось в деянии отрицательное отношение лица к интересам общества, тем отрицательнее оценивает общество деяние и лицо, его совершившее; чем тяжелее вина, тем сильнее уголовно-правовой упрек, обращенный к виновному, тем строже его ответственность за содеянное» [7].

В-третьих, как указывалось ранее, уклонение от осуществления уголовного преследования и уклонение от принятия мер к его обеспечению характеризуются различными типами преобладающей мотивации. Применительно к первому виду противоправных деяний наиболее распространенным побуждением к их совершению выступает корыстно-личная заинтересованность. Для второго вида посягательств в большей степени свойственно следование «ложно понятым интересам службы» в качестве основной доминанты. Естественно, обусловленность злоупотребления стремлением извлечь имущественную или иную личную выгоду заметно повышает его общественную опасность, что является дополнительным аргументом в пользу предложенного варианта предметного разграничения уголовной ответственности за рассматриваемые уголовно-процессуальные правонарушения.

С учетом вышеизложенного уголовно-правовая охрана соответствующей области общественных отношений не может быть обеспечена посредством формулирования одного состава преступления, что могло бы привести к недопустимой абстрактности и расплывчатости его признаков и одновременно к несправедливому установлению единой санкции для качественно различных по общественной опасности деяний. Поэтому для оптимальной регламентации необходимо закрепление в рамках ст. 300 УК двух уголовно-правовых запретов с соответствующими дифференцированными санкциями.

Определившись с исходным условием моделирования санкции за уклонение от осуществления уголовного преследования и принятия мер к его обеспечению, имеются все предпосылки для рассмотрения вопросов о видах (или виде) основного наказания, подлежащих установлению, их размерах, а также наличии оснований для использования дополнительного наказания, его виде, размере, обязательности или факультативном характере.

Анализируя первую из названных проблем, представляется уместным вспомнить аксиоматичное положение теории уголовного права о том, что «первостепенное влияние на вид санкции оказывает характер общественной опасности деяния и личности» [22, с. 104]. При этом «устанавливая вид наказания, наиболее соответствующий по духу преступлению, законодатель учитывает обычный “заряд” общественной опасности ... на градацию же наказания в законе (множественность видов уголовно-правовых и иных мер, определение наказания в пределах “от” и “до”) оказывает влияние степень опасности, которая обуславливается не только обстоятельствами, лежащими вне признаков состава, но и конкретным содержанием признаков состава преступления» [там же]. Применительно к рассматриваемым посягательствам на правосудие наиболее адекватным качественной стороне их социальной вредности, думается, выступает наказание в виде лишения свободы на определенный срок. Данный вывод продиктован в первую очередь особой значимостью объекта, которому причиняется вред, умышленным характером соответствующих деяний и их реальной способностью воспрепятствовать развитию уголовно-процессуальных отношений, а следовательно, реализации назначения уголовного судопроизводства. В целом такой подход находит подтверждение и при изучении судебной практики. Так, согласно данным исследования уголовных дел в отношении должностных лиц, осужденных за различные формы уклонения от осуществления уголовного преследования, по всем (100 %) из них (виновным) избиралось наказание именно в виде лишения свободы. Несколько иная картина по уголовным делам, по которым выносились обвинительные приговоры в отношении сотрудников правоохранительных органов, совершивших уклонение от принятия мер к обеспечению уголовного преследования. Преобладающую роль здесь также играет наказание в виде лишения свободы, которое назначалось по 50 % уголовных дел (причем во всех случаях осуждение признавалось условным). В остальных случаях судом применялись санкции, не связанные с изоляцией осужденного от общества (исправительные работы, штраф – в распространенных случаях квалификации содеянного по ч. 1 ст. 293 УК РФ).

Комментируя приведенные данные, следует отметить, что типичность такого наказания, как лишение свободы при привлечении к уголовной ответственности за рассматриваемые посягательства на правосудие, не вызывает сомнений. Однако использование в ряде случаев судом иных видов наказания в отношении должностных лиц, уклонившихся от принятия мер к обеспечению уголовного преследования, заставляет задуматься о потребности в альтернативной санкции за такие деяния. Этого же требует несомненное различие в степени общественной опасности возможных способов совершения указанного вида уголовно-процессуальных правонарушений. Оно обусловлено, во-первых, широким кругом их субъектов, обладающих неодинаковым правовым статусом (дознаватели, иные должностные лица органа дознания, следователи, прокуроры), и, во-вторых, зависимостью негативных последствий злоупотребления от правового значения деяния, посредством которого оно совершено, и тяжести сокрытого в результате этого преступления. Так, отказ в принятии сообщения о преступлении менее опасен, чем то же укрытие преступления, совершенное путем отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения, поскольку первый из указанных способов не связан с вынесением процессуального решения и поэтому юридически не препятствует обращению к другому должностному лицу или в иной правоохранительный орган. Также заметно неодинаков антисоциальный потенциал, к примеру, уклонения должностного лица от принятия мер к обеспечению уголовного преследования в отношении сообщения о преступлении небольшой тяжести и особо тяжкого. Указанные обстоятельства демонстрируют значительный диапазон степени общественной опасности в рамках соответствующего вида противоправного поведения, что в науке справедливо рассматривается как фактор, требующий альтернативности уголовно-правовой санкции [14, с. 93]. Какое же наказание, кроме лишения свободы, может обеспечить в соответствующих случаях достижение целей, предусмотренных ч. 2 ст. 43 УК РФ, при применении к виновному в уклонении от принятия мер к обеспечению уголовного преследования? Думается, ни штраф, ни исправитель-

ные работы, которые, как указывалось выше, в ряде случаев назначались судами, для этого не пригодны. Тем более что последние, согласно ч. 1 ст. 50 УК РФ (в ред. ФЗ от 08.09.2003 г.), могут быть применены только к осужденным, не имеющим основного места работы. Относительно же целесообразности использования штрафа в уголовно-правовом противодействии посягательствам должностных лиц на интересы правосудия и других институтов государственной власти, в науке высказывались обоснованные возражения, с которыми вполне можно согласиться [5, с. 6; 6, с. 5]. Как справедливо отмечает Н.А. Стручков, «применение штрафа в одних случаях не может быть реально обеспечено, а в других дает возможность преступникам откупиться от кары... в зависимости от материального положения одна и та же сумма штрафа для одного может стать тяжким наказанием, а для другого лишь видимостью наказания» [37, с. 101]. С учетом этого вполне логичным представляется мнение В.С. Минской о необходимости ограничения сферы использования штрафа как основного вида наказания санкциями преступлений небольшой тяжести [27, с. 75].

Поиск альтернативы лишению свободы в моделируемой санкции за уклонение от принятия мер к обеспечению уголовного преследования приводит к выводу, что единственным реально используемым наказанием, способным выполнить данную функцию, является лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Оно обладает достаточно серьезным карательным содержанием, которое, к сожалению, не полностью принято во внимание в действующем уголовном законе, где в так называемой «лестнице наказаний» данная мера превосходит по строгости только штраф (ст. 43 УК РФ). А ведь в УК РСФСР 1960 г. она занимала по сравнительной тяжести третье место в аналогичном перечне, который был зафиксирован в ст. 21 УК. Причем в науке того времени неоднократно поднимался вопрос об изменении положения данного вида наказания и переводе его на вторую позицию после лишения свободы вместо находившихся на ней исправительных работ [4, с. 71–72]. В свете этого абсолютно непонятным выгля-

дит переоценка законодателем степени строгости указанной меры в ст. 43 УК РФ, поскольку регламентация ее содержания принципиальных изменений не претерпела. Вместе с тем о достаточно высоком карательном потенциале лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью свидетельствует его установление как альтернативного основного наказания в санкциях норм, предусмотренных ч. 1 ст. 285 (злоупотребление должностными полномочиями) и ч. 1 ст. 286 (превышение должностных полномочий) УК РФ. С учетом сказанного, думается, было бы вполне оправданным использование указанного вида наказания в уголовно-правовом противодействии уклонению должностных лиц от принятия мер к обеспечению уголовного преследования. Таким образом, санкция за данный вид рассматриваемых посягательств характеризовалась бы альтернативностью в отличие от предлагаемого типового наказания за уклонение от осуществления уголовного преследования, которое должно включать только такую меру, как лишение свободы на определенный срок.

Следующая важная проблема конструирования санкций за исследуемые противоправные деяния – определение размеров наказаний, то есть их верхних и нижних пределов. При ее разрешении представляется необходимым опираться на следующие закономерности, выявленные и изученные в теории уголовного права.

Во-первых, следует иметь в виду зависимость размера конкретного вида наказания от особенностей самого преступного деяния и, в частности, от потенциально возможных различий в антисоциальных свойствах его отдельных разновидностей. «Если уголовно-правовая норма сформулирована так, что имеет различные границы степени общественной опасности, то санкции должны содержать более широкие нижние и верхние пределы», – справедливо подчеркивал М.И. Ковалев [13, с. 77]. Логична и обратная взаимосвязь, заключающаяся в том, что «чем выше формализованность диспозиции, тем меньше должен быть интервал между минимумом и максимумом санкции» [14, с. 214]. На данную особенность неоднократно обращалось внимание в юридической литературе [8, с. 48; 30, с. 117].

Во-вторых, важно учитывать, что «признаки преступления любого вида могут быть дифференцированы в первом приближении на двух уровнях: а) характерные для вида преступления (типичные признаки), б) индивидуальные особенности преступления и личности виновного» [15, с. 33]. Поэтому «всякая санкция, моделирующая наказуемость конкретного вида преступления, должна представлять собой “сплав” двух социальных оценок: оценки типичных признаков и оценки предполагаемой законодателем значимости индивидуальных особенностей» [там же]. Другими словами, «санкция статьи – это реальность, заключающая в себе оценку названного в диспозиции вида преступления, охватывающая различные модификации этого вида и личности виновного» [20, с. 285].

В-третьих, необходимо принять во внимание, что «верхний предел наказания за определенный вид преступления зависит главным образом от социального содержания преступления» [30, с. 118], поскольку представляет собой максимум уголовно-правового воздействия, «могущего быть признанным соразмерным (эквивалентным) данному типу преступлений» [там же]. Вместе с тем на его нижний предел активно влияют цель исправления осужденного и принцип гуманности [там же].

В-четвертых, требование справедливости типового наказания предполагает, что оно должно не только соответствовать тяжести описываемого в статье деяния, но и быть согласованным с санкциями за совершение других, близких по виду и характеру преступлений [12, с. 43].

Обратимся с учетом изложенного к вопросу о целесообразных размерах наказания за рассматриваемые виды посягательств на правосудие.

Применительно к уклонению от принятия мер к обеспечению уголовного преследования решение данного вопроса распадается на два направления: в отношении сроков лишения свободы и лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Определяя верхнюю границу первого из указанных наказаний, думается, правильно исходить из в целом обоснованной законода-

тельной оценки наибольшего уровня общественной опасности неквалифицированного вида злоупотребления должностными полномочиями, одной из специальных разновидностей которого и является соответствующее уголовно-процессуальное правонарушение должностного лица, то есть четырехлетнего максимального срока лишения свободы, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ. Нижний предел данного наказания также логично обозначить сообразно санкции приведенной нормы. С учетом положений ч. 2 ст. 56 УК РФ таковой составляет два месяца лишения свободы. Данный интервал между минимальным и максимальным размером наказания даст возможность суду учесть специфику разнообразных способов уклонения от принятия мер к обеспечению уголовного преследования, правовой статус их субъектов и тяжесть укрытых преступлений, а также индивидуальные особенности личности виновных, создав таким образом достаточные возможности для индивидуализации наказания.

Альтернативой краткосрочному лишению свободы за рассматриваемое противоправное деяние призвано выступить лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Для выполнения данной функции представляется целесообразным установить верхнюю границу его срока на максимально возможном, согласно УК, размере данного наказания при его применении в качестве основного – 5 лет. В свою очередь его нижний предел также должен быть сориентирован на решение аналогичной задачи, поэтому не может устанавливаться на уровне незначительного срока. Думается, для достижения целей наказания в соответствующих случаях длительность «лишения права» в санкции следует предусмотреть не менее, чем три года.

Другой вид нарушения обязанности, предусмотренной ст. 21 УПК РФ – уклонение от осуществления уголовного преследования, – требует несколько иного подхода, поскольку, как указывалось, характеризуется качественно более высоким уровнем общественной опасности, в связи с чем предполагается установление за его совершение единичной санкции в виде лишения свободы. При определении его пределов представляется необходимым при-

нять во внимание оценку законодателем в действующем УК РФ антисоциального потенциала такой разновидности соответствующей категории посягательств на интересы правосудия, как незаконное освобождение от уголовной ответственности подозреваемых и обвиняемых, ответственность за которое предусмотрена в ст. 300. Как известно, в данной статье установлено наказание в виде лишения свободы на срок от двух до семи лет. Оценивая данную санкцию в свете приведенных выше положений уголовно-правовой теории, следует признать ее вполне адекватной качественному своеобразию общественной опасности деяний, зафиксированных в диспозиции нормы, и возможным ее количественным изменениям в конкретных случаях под влиянием совокупности индивидуальных особенностей обстоятельств дела. С учетом этого вполне приемлемым будет использование и относительно более широкого спектра процессуальных злоупотреблений, аналогичных по своей юридической природе и антисоциальным свойствам тем деяниям, за совершение которых она в настоящее время предусмотрена. При этом следует отметить, что предлагаемый диапазон законодательных пределов лишения свободы за уклонение должностных лиц от осуществления уголовного преследования вполне сопоставим с интервалами минимума и максимума данного наказания, предусмотренными в законодательстве зарубежных государств за аналогичные посягательства. Так, согласно ст. 288 УК Болгарии, неисполнение обязанности по уголовному преследованию или его прекращение в целях освобождения виновного от наказания карается лишением свободы на срок от одного года до шести лет [39, с. 206]. В соответствии со ст. 258-а УК Германии, за воспрепятствование должностного лица, участвующего в уголовном процессе, привлечению к ответственности виновного установлено лишение свободы на срок от шести месяцев до пяти лет [40, с. 145]. В силу ст. 399 УК КНР «умышленное выгораживание и освобождение от уголовного преследования заведомо виновного, совершенное юридическим работником» при отсутствии отягчающих обстоятельств, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет, а при их установлении – на срок от пяти до десяти лет [1, с. 251].

Заключительный вопрос, подлежащий рассмотрению при построении санкций за рассматриваемые противоправные деяния, – целесообразность установления дополнительных видов наказания. Учитывая специфику посягательств на интересы правосудия должностных лиц органов уголовного преследования, в этом отношении актуальна проблема использования в данном качестве уже упоминавшейся меры – лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Согласно ч. 3 ст. 47 УК РФ она может быть применена и когда прямо не предусмотрена санкцией статьи, если, исходя из характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного, суд признает это необходимым. Однако, как отмечается в юридической литературе, «предпочтительным для решения задачи более полного использования карательно-воспитательных возможностей “лишения права” является все же непосредственное закрепление его в санкциях» [10, с. 78]. В действующем УК законодатель в рамках главы о должностных преступлениях последовательно придерживается данной рекомендации только применительно к тем из них, которые относятся к категории тяжких или особо тяжких (ч. 2 и 3 ст. 285, ч. 2 и 3 ст. 286, ч. 2, 3 и 4 ст. 290). В отношении преступных деяний средней тяжести, включенных в главу 30 УК РФ, такой подход реализован частично: в санкциях ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 286 и ч. 1 ст. 287 «лишение права» как дополнительное наказание не указано, но оно содержится в ч. 1–2 ст. 285-1 и 285-2, ч. 1 ст. 290, ч. 2 и 3 ст. 293 УК РФ. При этом можно обратить внимание, что в случае, если данная мера устанавливается в качестве альтернативного основного наказания, то уже не предусматривается в качестве дополнительного (ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 286 и ч. 1 ст. 287 УК РФ). Думается, специфика подобного уголовно-правового регулирования вполне логична, поэтому может быть использована и в главе 31 УК РФ при построении санкций за преступления должностных лиц против правосудия и, в частности, в моделируемой ст. 300 УК РФ. С учетом этого дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

целесообразно предусмотреть за уклонение от осуществления уголовного преследования, которое, как указывалось, предполагается рассматривать как тяжкое преступление. Причем, решая вопрос о факультативном или обязательном характере соответствующего дополнительного наказания, представляется более правильным избрать последний вариант. В этом отношении заслуживает внимания опыт правовой регламентации, заложенный в ч. 1 ст. 407 УК Испании и в уже упомянутой ст. 288 УК Болгарии, в санкциях которых данная мера императивно присоединяется к лишению свободы [38, с. 206; 39, с. 127]. Верхний предел срока «лишения права» в соответствии с категорией преступления, за которое оно предусматривается, справедливо установить на уровне максимально возможного, согласно УК РФ, размера данного наказания при его применении в качестве дополнительного – 3 года.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно предложить следующую редакцию статьи УК, регламентирующей ответственность за посягательства против правосудия, исследовавшиеся в настоящей работе.

Статья 300. «Уклонение от осуществления уголовного преследования или принятия мер к его обеспечению».

Часть 1. «Уклонение от исполнения обязанности принятия мер к обеспечению уголовного преследования путем отказа в приеме заявления о преступлении, сокрытия его от регистрации, а равно отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения при заведомом отсутствии установленных законом оснований –

наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от трех лет до пяти лет либо лишением свободы на срок до четырех лет».

Часть 2. «Полное или частичное прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого либо полный или частичный отказ от поддержания государственного обвинения в отношении подсудимого, либо изменение обвинения в отношении указанных лиц в сторону смягчения, совершенные

при заведомом отсутствии установленных законом оснований, а равно иное уклонение от исполнения обязанности осуществления уголовного преследования в отношении лица, причастность которого к совершению преступления подтверждается совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств или полученных в ходе проверки сообщения о преступлении предметов и (или) документов, –

наказывается лишением свободы на срок от двух до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахметшин, Х. М. Современное уголовное законодательство КНР / Х. М. Ахметшин, Н. Х. Ахметшин, Н. С. Петухов. – М. : Муравей, 2000. – 432 с.
2. Божьев, В. П. Уголовно-процессуальные правовые отношения / В. П. Божьев. – М. : Юрид. лит., 1976. – 263 с.
3. Васильев, Н. В. Принципы советского уголовного права / Н. В. Васильев. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1983. – 60 с.
4. Гальперин, И. М. Наказание: социальные функции, практика применения / И. М. Гальперин. – М. : Юрид. лит., 1983. – 208 с.
5. Гаухман, Л. Коррупция и коррупционное преступление / Л. Гаухман // Законность. – 2000. – № 6. – С. 6–9.
6. Гаухман, Л. Справедливость наказания: принцип и реальность / Л. Гаухман, С. Максимов, А. Жаворонков // Законность. – 1997. – № 7. – С. 5–10.
7. Дагель, П. С. Субъективная сторона преступления и ее установление / П. С. Дагель, Д. П. Котов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1974. – 243 с.
8. Дементьев, С. И. Построение уголовно-правовых санкций в виде лишения свободы / С. И. Дементьев. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. гос. ун-та, 1986. – 246 с.
9. Демидов, Ю. И. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю. И. Демидов. – М. : Юрид. лит., 1975. – 187 с.
10. Дуюнов, В. К. Дополнительные наказания: теория и практика / В. К. Дуюнов, А. Л. Цветинович. – Фрунзе : Илим, 1986. – 204 с.
11. Карпушин, М. П. Уголовная ответственность и состав преступления / М. П. Карпушин, В. И. Курляндский. – М. : Юрид. лит., 1974. – 232 с.
12. Келина, С. Г. Значение принципа справедливости для уголовной юстиции / С. Г. Келина // Криминология и уголовная политика. – М. : Юрид. лит., 1985. – С. 42–43.
13. Ковалев, М. И. Роль правосознания и юридической техники в развитии уголовного законодательства / М. И. Ковалев // Советское государство и право. – 1985. – № 8. – С. 73–79.
14. Ковалев, М. И. Советское уголовное право / М. И. Ковалев. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974. – 226 с.
15. Козлов, А. П. Уголовно-правовые санкции / А. П. Козлов. – Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1989. – 171 с.
16. Коробеев, А. И. Советская уголовно-правовая политика / А. И. Коробеев. – Владивосток : Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 1987. – 268 с.
17. Коробеев, А. И. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы / А. И. Коробеев, А. В. Усс, Ю. В. Голик. – Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1991. – 240 с.
18. Коробов, П. В. Дифференциация уголовной ответственности и классификация уголовно наказуемых деяний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П. В. Коробов. – М., 1983. – 23 с.
19. Кригер, Г. Л. Влияние характера общественной опасности преступления на дифференциацию и индивидуализацию ответственности / Г. Л. Кригер // Проблемы правосудия и уголовного права. – М. : Юрид. лит., 1978. – С. 143–145.
20. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 285 с.
21. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности как уголовно-правовая категория / Л. Л. Кругликов, Т. А. Костарева // Категориальный аппарат уголовного права и процесса. – Ярославль : Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1993. – С. 109–115.
22. Кругликов, Л. Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве / Л. Л. Кругликов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1985. – 164 с.
23. Кузнецова, Н. Ф. Совершенствование норм о преступлении / Н. Ф. Кузнецова // Проблемы совершенствования уголовного закона. – М. : Юрид. лит., 1984. – С. 24–40.
24. Лесниевски-Костарева, Т. В. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т. В. Лесниевски-Костарева. – М. : Инфра-М – Норма, 2000. – 460 с.
25. Лобанова, Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации / Л. В. Лобанова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1999. – 268 с.
26. Мальцев, В. В. Категория «общественно опасное поведение» в уголовном праве

/ В. В. Мальцев. – Волгоград : Изд-во Волгогр. ВСШ МВД РФ, 1995. – 184 с.

27. Минская, В. С. Штраф как вид уголовного наказания / В. С. Минская // Советское государство и право. – 1989. – № 1. – С. 74–78.

28. Мотовиловкер, Я. О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты / Я. О. Мотовиловкер. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 152 с.

29. Никифоров, Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву / Б. С. Никифоров. – М. : Госюриздат, 1961. – 230 с.

30. Осипов, П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций / П. П. Осипов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 135 с.

31. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. – Режим доступа: <http://www.genproc.gov.ru>.

32. Официальный сайт МВД РФ. – Режим доступа: <http://www.mvd.ru>.

33. Поройко, М. С. К вопросу о понятии уголовной ответственности и средствах ее дифференциации / М. С. Поройко // Юридическая техника и вопросы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе. – Ярославль : Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1998. – С. 61–69.

34. Прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела : науч.-практ. пособие / под ред. А. П. Короткова и М. Е. Токаревой. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 184 с.

35. Сводный статистический отчет по форме «П» об итогах работы прокуратуры в РФ за 2008 г. // Архив прокуратуры Волгоградской области за 2008 г.

36. Синельников, А. В. Уголовная ответственность за уклонение от осуществления уголовного преследования и принятия мер к его обеспечению: проблемы законодательной регламентации и дифференциации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2004. – 21 с.

37. Стручков, Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью / Н. А. Стручков. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1978. – 288 с.

38. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Ф. М. Решетникова. – М. : Зерцало, 1998. – 213 с.

39. Уголовный кодекс Республики Болгария / науч. ред. А. И. Лукашева. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 296 с.

40. Уголовный кодекс ФРГ / пер. с нем. А. В. Серебrenниковой. – М. : Зерцало, 2001. – 201 с.

THEORETICAL QUESTIONS OF SANCTION CONSTRUCTION FOR EVASION FROM DISCHARGE OF DUTY TO CARRY OUT CRIMINAL PROSECUTION AND TO ACCEPT MEASURES TO ITS MAINTENANCE

A. V. Sinelnikov

In article questions of construction of criminally-legal sanctions for evasion of officials of law enforcement bodies from discharge of duty, provided by part 2 of article 21 of the criminally-remedial code, are analysed. The substantiation of variants of differentiation of the criminal liability for the encroachments, and also concrete kinds of the basic and additional punishments, their terms is offered by the author.

Key words: *criminal prosecution, duties of law enforcement bodies, crimes against justice, illegal clearing of the criminal liability, shelter of crimes from registration and the account.*